

Борис Ильин

СОН

книга стихотворений

Самопальное издание

Бруклин

2014

Ильин Борис. Сон. Книга стихотворений.

Борис Ильин живет в Нью-Йорке, родившись в 1974-м году. В 2014-м году Борис Ильин написал и издал эту книгу, приложив к ее публикации собственные усилия и усилия жены. В книгу входят стихотворения написанные в 2013-14 гг. Книга посвящается жене.

© 2014 Борис Ильин. All rights reserved.
ISBN 978-1-312-35066-3

посвящается жене

СОН

рисование

в серебряном быстром летя и собой являясь
от земли и меня
от самой себя отделяясь

так ветка растёт и стремится от дерева
и свойство его эта ветка
куда же теперь его

так прощанье с квадратом окна
и лица дырой

в безлицем квадрате одна
и с лица долой

так свойство всего этот лёт
чьё существование

черты карандашный ход
себя рисование

так отделяя то что никак не делено

ветка окно лицо
дерево
дерево

начальницы

бывшая и нынешняя
худая и толстая
высокая и низкая
в очках и без очков

о начальницы

под вашим началом
я

стареющий седеющий
юного работника
юркого изображающий

не увольняйте

я вот что скажу
лет еще тридцать
того же изображу

родина

чашка блюдце чайная ложка
за окном береза
еще дальше старые новостройки
панельные здания в девять этажей
лес

березовая роща ельник осины
большая поляна
стена
территория военного назначения
генеральская дача

обратно

поселковой улицей бетховена
пересекающим ее переулком моцарта
вот он
дом мой

сорокалетний старый дед
с неровностями в торце

по ряду крупных тополей
прежде маленьких
теперь щупающих небо
узнаю

сколько лет
прошло

в раме окна
картина жизни

ночь звуки
ничего

не видно
утренняя газета
не прочитана

в мусорном
ведре

сыночка
напиши мне письмо

в департамент жилья
на заморозку квартплаты
чтобы денег хватило

ты же моя кровиночка
в муках тебя рожала я
и тебя за муки простила

я мама твоя
инвалид
у меня здесь болит

напиши негодяй мне письмо
а не в это твое эксмо
в нло в вагриус

и приходи

а я чаем греюсь
балуюсь
бутербродом

хватит тебе быть писателем
хватит уродом

лучше будь мамы спасателем

и на маму не злись

мама хочет хорошего
любит тебя
какого есть

небритого и заросшего

я жил я знаю и живу
мне солнце светит и луна блестит

в лесу мне дух лесной
в возвышенностях горный
небесный свод ночами черный
и синий денный зной

грибы ли собираю я
иль нюхаю цветок
или же зрею вод отток

я жду сильнее впечатления
пока мне время есть
до гробового тления

я вглядываюсь в водяную взвесь

я в отраженье вижу кроны сосен
которым наплевать на осень

в то время как податливые клены
меняют в страхе свой наряд зеленый

еще я слышу ночью темной винной
звон бесконечный комариный

и пусть покрытый весь укусом насекомым
я остаюсь природою влекомым

но впечатленье то сильнее
когда в лесу рассвет синее
чем на равнине

и отныне уже осталось

мне удивиться малость

быть может человеку или червяку
кукушке что кричит свои куку

но то суть мелочи в сравнение
с тем на что держим мы равнение

метро

вечер с улицы стук метро
не обманет там все мертво
а известно что стуком этим

по пустым перекресткам по
площадям где нет никого
мы себя по-живому метим

мы которые впрочем я
не значительнее червя
только мертвые даже черви

только шорох осенних вод
только света пустой извод
непомыслимый свет вечерний

этой поступью может сметь
расхрабриться в жилище смерть
там где жизнь прозябает праздно

выбить напрочь окно свое
чтоб проникло небытие
чтобы жизнь не была напрасна

элегия

парадное лестница лавочка
коту *под хвост* сказала мамочка
и все-таки нет не коту
я помнить прошлое хочу

как папа привез из саратова
арбуз нарезал и в салат его
фруктовый и редкий салат
имел он к этому талант

чудесные звери из плюша
кот леопольд каркушка хрюша
но филью любил больше всех
и к маме заходил сосед

и пьяным чинил телевизор
и мимо унитаза писал
но вырос я крупным подростком
и быстро счета свел с подонком

все это моя биография
которую забыть не вправе я
вот подворотня прочерк лавочка
сбой памяти первая ласточка

душ

случайность вдруг открылся смысл
под пеной ароматных мыл
и кафельного пота

там хлористой воды поток
мокреет пламенный парторг
из авторемзавода

какие речи говорил
какие марльборо курил
из бельц из кишинева

как лажу духовой оркестр
давал и звук ходил окрест
и неба синева

так мыло жидкое навек
в воронку пар идет наверх
всю жизнь как будто смыло

остер в беседе в драке скор
так победил и вышел в срок
и смыслу нету смысла

вратарь

хочу сказать и тут же говорю
о обстоятельствах в которых
бывает скверно вратарю
ловить мячи в своих воротах

стоит он в бутсах против игроков
они в штрафной ослабившись противно
удар и промах полюбить врагов
как ближних незачем и неспортивно

и вот прыжок и вот летит как пух
от пчел спасаясь из гнезда
таков есть навык вратаря чтоб вдруг
защитой быть ответственность неся

но в теле разливается печаль
защитник всех а для себя палач
о ты вратарь в воротах одинокий
о двух ногах но будто одноногий

во всем один на ноги несмотря
полна звездой открывшаяся бездна
прощай вратарь и береги себя
щенка возьми быть одиноким скверно

нормально себя чувствует
ногами ходит руками ест

упряма
это мама

я тоже когда буду немолод
стану упрямым и несогнутым

я уже резистентный металл
наковальня и молот
меня не возьмут
не смогут

*мама смотри я вырос
хороший стал*

к плите отвернулась
кипятит воду

разводит сырость

сон

бежал из последних ног
держал в себе *мамамама*

*сюда нет хода сынок
я здесь молода и упряма
я отца твоего у окна
всю жизнь проживая одна
а ты возвращайся туда
где гречневой каши не сваришь
где мои слезы вода
и воющий угол товарищ
там тебя жду в глубине
комнаты больше не-*

повсеместно
протянута паутина
паука не видно

по периметру спутанные
засохшие насекомые

убить паука дурная примета

не убий
не укради

так и висят
сухие
спутанные

и ветра нет
для траурного колыхания

the fish*

меня вынудили

я поддался
меня выудили

жизнь погасла
и никакая элизабет бишоп
ни иной кто-нибудь

не отпустит

не закроет телом
не подставит плечо
не даст грудь

лежу на солнце
мне душно
горячо

но ниче
как-то будет

может не съест
может лишь так

надкусит

*см. одноименное стихотворение Элизабет Бишоп

не различает на свет
а и света-то никакого нет

так
свечение
небольшое вечернее

но на том небольшом свету
как бывает невмоготу

больно слепит то что осталось
но терпеть небольшую малость

ладони к небу

они легки

пар
влага рек

так не бывает

сухие берега
чужие руки
солнце

слепой

дождь

глядишь останется
и приосанится

начнет записывать
задавать вопросы

что такое свобода девяностых
почему застой как выстрел
холостой

почему пара сносных
носков большой человеческий подарок

из-под арок московских
льется особый дух

ни языком его
ни на нюх

бьется с прежним
насилу оставленным

в телике сериал с брежневым
в киоске календарь
со сталиным

вечер ночь

боже мой почти говорит левое полушарие
бога нет молчит правое

левая рука разглаживает морщины на лбу
правая тянется за книгой

в отражении окна полупрозрачны
стол лампа экран

из-за полупрозрачности
выглядывает черная пустота

Вот человек испорченный эпохой,
ему не похуй.
Ждет в темной комнате рассвета,
но разве это,

он говорит, рассвет, и разве
не ярче солнце в эту пору?
В таком ведь разе
кто противопоставлен полу?

Кто этот тусклый шар, который
стремит холодный луч
короткий,
спокойно отраженный
поверхностями луж?

Так, отрешенный
от отравленья надобностей,
кричит: мне надо новостей,
хочу все знать!

Еб твою мать, о человек!
Тебя испортила гордыня,
душа твоя алтынья,
ты - нехороший человек!

СССР

грушки-яблочки черный доктор
по дороге из пятигорска в нальчик
120 км/ч за рулем валера арипшев
валера-валера зачем купался в горной реке
зачем полировал сладкое красное коньяком

понял уже
ебал ты начальника главка
ебал начальника милиции города
высоки пастбища воздух свеж
воздух свеж коньяк крепок
проблюешься судорогой изойдешь

как будешь отвечать перед уважаемыми
десять двигателей от пятерки
отшлифовали алмазным кругом

к ебням теперь договор честный
честный договор с первым авторемонтным
скрепленный рукопожатием твердым
слава КПСС
да здравствует дружба народов
коричнева ледяная река

сильнее детской памяти
забывчивость моя
ни радости ни гадости
не вспомню никогда

лишь тень квартиры зимняя
лишь холод сквозняка
хранятся как реликвия
без пользы и вреда

и только грянут сумерки
тяжелой тишиной
как распознать мне умер я
или еще живой

загадай мне загадку комната
жизнь которая здесь не понята
вроде нету вовсе такой

как за круглым столом арбуза круг
нарезали и что-нибудь в позе рук
рук отцовских застывших дугой

но фигура памяти нетверда
память памяти счастье а не беда
лица живы состарились ссорясь

обживая заново старый фут
перед ним невольно встаешь во фронт
будто он не размер а совесть

весть благая сомнение принесся
словно не было испарилась вся
только вкус перспективы горек

нож родительский круглый кухонный стол
окна дома и тополиный ствол
плач невнятный суровый окрик

я хочу сказать серьезно
на все шесть сторон страны
что в глазах моих зелёно
от листвы и от травы

этот цвет предпочитаю
когда сплю или мечтаю
но серьезный круг забот
вытеснил мечты за борт

круг спасательный тяжелый
бесконечный жирный круг
что ж такой я напряженный
словно сам себе не друг

что не выпью чаю с маслом
пусть в душе играет шторм
что отказываю в малом
сердцу с трудным животом

цвет зеленый длится дальше
вышел в горние верха
у прохожих в лицах даже
цвет кладбищенского мха

так чудесный цвет зеленый
как в гортани вкус соленый
как дыханье кумача
взгляд косящий у врача

Рождество

Полуколодец шестиэтажного жилого дома.
Единственное доступное взгляду здание напротив
сильно сгорело. Но с этой стороны не видно –
лишь с обратной черные амбразуры окон.

По ночам из здания слышались крики:
get off the fucking roof!
На крышу лазил молодняк курить траву.

По-над крышей, в близком небесном отдалении,
видать последний этаж средней школы,
яркий красный кирпич.
Такое впечатление, будто парит
громоздкое воздушное судно.

Погода летняя.

1.
Вот всё. Там где нет
места размышлению есть
место.

Откуда проистекает ничего
в колеблющееся ничто,
предметный мир
непроисходящего.

Там – всё, и в откуда
есть ход, ожиданием.

Место есть, невозможно
заполнить.
Запомнить.

2.
Мне говорит, *ты помнишь Сеню,
он умер молодым в поезде
из Кривого Рога в Сумы?*

Помню, да, его еще звали Сеня
Срака, потому что по фамилии
Сроковский.

*Так вот, дети приехали из Германии,
отстроили его домик, который в 85-м
был рухлядь. В память об отце.*

Папа, но ведь здесь и поездом
не принято, и вообще, Сене не всё
ли равно?

Хочешь, дам денег раввину?
*Пусть читает молитву за здоровье
живых.*

памяти Б.К.

Каково старому человеку,
не оформившему вставную челюсть,
когда денная пища тверда?

Грызи деснами, стар человек, радуйся:
дочь твоя пожилая – вяжет свитера на продажу,
внучка – встречается с хахалем, с которым
освоит твою комнату, только не задерживай,
умри в срок.

Идет снег, тает. Панельный жилой
напротив консерватории. Седой двор.
Стол за которым забивали
козла.

За все благодари.

Содержание

рисование	4
начальницы	5
родина	6
в раме окна	7
сыночка	8
я жил я знаю и живу	9
метро	11
элегия	12
душ	13
вратарь	14
нормально себя чувствует	15
сон	16
повсеместно	17
the fish	18
не различает на свет	19
ладони к небу	20
глядишь останется	21
вечер ночь	22
Вот человек испорченный эпохой	23
грушки-яблочки черный доктор	24
сильнее детской памяти	25
загадай мне загадку комната	26
я хочу сказать серьезно	27
рождество	28
Вот все. Там где нет	29
Мне говорит, ты помнишь Сеню	29
памяти БК	30
Содержание	31

Эта страница намеренно пуста.